

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 159

Н. Ю. Стоюхина

Наследие Моцарта психологии: обращение к потомкам

Рецензия на книгу: Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под ред. Е. Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. М. : Канон +, 2017. 608 с.

SCIENTIFIC LIFE

N. Yu. Stoyukhina

Mozart's Heritage to Psychology: Speech to Descendants

А. Р. Лурия называл Льва Семеновича Выготского гением. Б. В. Зейгарник писала о нем как о гениальном человеке, создавшем советскую психологию. Стивен Эделстон Тулмин в своей известной статье обосновал тезис, согласно которому Выготский – это Моцарт в психологии. Л. С. Выготскому выпала короткая, но яркая жизнь. Вклад его в психологию несомненен, вокруг его имени до сих пор кипят страсти, о нем пишут и друзья, и враги. Это самое верное свидетельство того, что идеи Л. С. Выготского живы.

Произошло долгожданное событие. В психологии, причем не только в отечественной, но и в мировой. Ждали его долгие десять лет. Десять лет тому назад в «Новом литературном обозрении» и «Методологии и истории психологии» появились первые публикации Е. Ю. Завершневой, известного психолога и методолога, посвященные работе с семейным архивом Л. С. Выготского.

За ними с 2008 г. с завидной регулярностью последовала публикация целой череды статей Екатерины Юрьевны Завершневой в журнале «Вопросы психологии», в каждой из них шаг за шагом обозначалось и приоткрывалось то значимое наследие выдающегося психолога, находящееся в архиве, с которым работала исследовательница, и в течение почти восьмидесяти лет, прошедших со дня смерти гения, это наследие было

недоступно не только выготскооведам, но и многочисленной армии ценителей творчества «моцарта психологии». И вот наконец сбылось – том «Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное» вышел из печати и теперь каждый мыслящий (или желающий таковым быть) психолог имеет возможность эти тексты прочесть. Значение этого события переоценить невозможно.

Говорить о роли Л. С. Выготского в отечественной психологии на страницах нашего журнала совершенно излишне, поскольку персонально ему в этом издании были посвящены специальные статьи [3, 4]. Бесспорно, Л. С. Выготский – классик отечественной и мировой психологической науки. Но классик «живой». Есть определение, согласно которому классик – тот, кого «почитают, но не читают». Это совсем не про Выготского, ибо его читают и у нас и за рубежом. Нельзя не согласиться с американским психологом Джорджем Верчем, написавшим о неисчерпаемости идей Выготского так: «Я читаю Выготского уже почти четверть века, и это более чем что-либо другое, только подкрепляло мою уверенность, что мне никогда не удастся до конца извлечь все предлагаемое...» [1, с. 6]. Безусловно, Выготский – один из тех интеллектуалов, «чьи работы могут служить системой мышления с нескончаемой продуктивностью» [1, с. 6]. Это относится к тем текстам, что опубликованы. И вот благодаря труду научных подвижни-

ков объем опубликованных работ Л. С. Выготского значимо увеличивается. Видимо, и правда рукописи не горят!

Что в книге? Это «заметки небольшого формата, сделанные на том, что подвернулось под руку: на обороте бланков, библиотечных и издательских карточек, географических карт или статей, разрезанных на части, на узких полосках бумаги или просто на ее обрывках. Записи велись при различных жизненных обстоятельствах: в процессе чтения книг или подготовки докладов, во время посещения музеев или наблюдения за пациентами, в больницах, на конференциях, в командировках, на отдыхе» [2, с. 5]. Хочется подчеркнуть, что включенные в издание заметки Л. С. Выготского были расшифрованы и тщательнейшим образом исследованы Е. Ю. Завершневой – первым редактором этой книги. Предлагаемые читателю тексты представляют собой плод десятилетнего напряженного сложнейшего труда. Степень сложности можно себе представить, если учесть, что материал представлял собой сотни карточек, бланков, блокнотных листков, которые были перемешаны, и только «благодаря индивидуальным особенностям их оборотной стороны, цвету чернил или характеру почерка хаос маленьких бумажек удалось разобрать на отдельные записи» [2, с. 9]. «Поначалу казалось, что это невозможно прочесть, по крайней мере, не за одну простую жизнь: заметки изобиловали сокращениями, цитатами на нескольких языках, именами и фамилиями, адресами и телефонами, схемами, стрелками, восклицательными знаками... Днями или даже неделями мы тщетно разглядывали неразборчиво написанные слова, а затем их смысл неожиданно выстреливал сам собой или же прояснялся в результате чтения давно забытых немецкоязычных статей. Это было похоже на работу палеонтолога, реконструирующего динозавра по фрагменту его скелета, или археолога, восстанавливающего амфору по двум-трем найденным осколкам» [2, с. 9–10].

Как мы видим, трудности эти благодаря титаническому труду составителей были преодолены. Но тексты еще и тщательно откомментированы, что было совсем не просто сделать, поскольку пришлось «поднять» значительное количество литературных источников, современных Выготскому, в том числе и прочно забытых ныне.

Суммируя результаты нашего исследования записных книжек, можно сказать, что их содержание позволяет создать объемную картину

вклада Выготского в психологию как в теоретическом, так и в практическом отношении, а также хотя бы отчасти проникнуть в те замыслы, которые Выготский не успел реализовать (теория эмоций, общепсихологическая теория сознания и высшей психики, модель свободного осмысленного действия и др). В настоящее издание включены планы ненаписанных книг, конспекты внутренних конференций для ближайших сотрудников, экспериментальные схемы, дневники работы в клиниках, истории болезни пациентов, тезисы докладов, лекций и многое другое. Изучая эти документы, мы смогли значительно расширить сведения об участниках круга Выготского, пополнив его новыми именами, а также идентифицировать многочисленные библиографические источники, которыми пользовался Выготский, найти с их помощью отправные точки некоторых его известных высказываний и атрибутировать ряд скрытых ссылок, часто встречающихся в его трудах [2, с. 11].

Хорошо известно, что у текстов Л. С. Выготского непростая судьба. При жизни Льва Семеновича была издана лишь часть его работ, был продолжительный период, когда его труды не только не издавались, но о них нельзя было упоминать в публикациях. Возвращение текстов Выготского к читателю началось в середине 1950-х, когда в 1956 г. был издан том избранных произведений. Не будем здесь перечислять хорошо известные факты: отметим лишь, что последующие издания, включая шеститомное собрание сочинений (1982–1984), не могут считаться аутентичными, так как имеют не только неточности, многочисленные лакуны, но и редакторские вставки. К сожалению, последующие переиздания до сих пор воспроизводят и тиражируют эти весьма несовершенные тексты.

«Издание записных книжек Выготского проливает свет на множество ранее неизвестных аспектов его биографии: впервые мы видим, с каким отчаянием Выготский пишет о судьбе еврейства и его особой роли в мировой и российской истории; впервые мы знакомимся с его позицией по вопросам психотерапии, наблюдаем, как он консультирует больных в клинике, разбирает шахматные партии, участвует в проектах по разработке детских игрушек и т. д.» [2, с. 10].

В настоящей книге мы имеем дело с результатами тщательной и скрупулезной редакторской работы. Технология ее подробно описана редакторами во введении к книге. Обратим внимание на то, что в настоящем сборнике мы читаем *под-*

линного Выготского, то, что он писал для себя, как сказал бы М. М. Жванецкий – «для внутреннего употребления». Таким образом, мы читаем настоящего Выготского: без редакторских правок, без цензуры, без ретуши. Во многих фрагментах это оказывается очень неожиданный Выготский, хотя читатель во многом и был к этому подготовлен предшествующими публикациями Е. Ю. Завершневой, поэтому у заинтересованного читателя готовность к восприятию существует давно. И сейчас у читающего есть возможность по многим вопросам вынести свое суждение.

Могу сказать, что краткие тексты Выготского потрясающе эвристичны: они будят мысль читателя, стимулируют размышления, что является несомненным достоинством книги.

Итак, что представляет собой рецензируемая книга.

Интереснейший материал, а это 608 страниц, разделен хронологически по этапам творческой жизни классика. Книга включает двадцать восемь глав, по которым распределены публикуемые документы. Представлен весь творческий путь, начиная от гимназического сочинения об Екклесиасте, кончая рассуждениями о «смерти на вершине» и оценке своей миссии в науке, фактически прощанием с психологией и своими сотрудниками, сделанными в последние месяцы жизни... Невозможно в рамках ограниченного объема перечислить то множество идей, предположений, перспективных суждений, которые приведены в книге.

Заметим, читателю предлагается новая хронология творчества Л. С. Выготского.

В процессе чтения перед читателем явственно проступает личность неординарного человека в ее постоянных творческих поисках. Читая тексты Выготского, мы узнаем много нового о нем как о человеке. Нельзя не упомянуть о том, что в последней главе приведен уникальный материал о том, как гений воспринимал себя и свое место в науке: «...максимальный биографический интерес представляет последняя страница записи – прощание Выготского со всем, что ему удалось сделать в науке. Она отсылает к двум фигурам, с которыми Выготский себя идентифицировал: к Гамлету и Моисею. Сравнивая себя с ветхозаветным героем еврейской истории, Выготский, вероятно, полагал, что ему удалось указать путь, который выведет науку из кризиса, и дать ей своего рода “скрижали завета”. Подобное видение собственной миссии, стремление собрать “верных”, общими усилиями выйти из пустыни эм-

пиризма в землю обетованную “науки о новом человеке”» [2, с. 6].

Выготский пишет: «Это последнее, что я сделал в психологии – и умру на вершине, как Моисей, взглянув на обетованную землю, не вступив в нее. Простите, милые создания. The rest is silence» [2, с. 6].

Потрясающий материал. Читая эти тексты, мы узнаем нашего классика с новой стороны. Перед нами проходят его идеи, наброски, планы, которые осуществились лишь частично или не состоялись вовсе. Чего стоят одни планы ненаписанных книг, невоплощенные идеи... У читателя есть возможность не только углубить и расширить свои представления о творческой лаборатории Л. С. Выготского, но и представить себе «варианты» его жизни. Никакая биография не сможет этого сделать в полной мере.

Л. С. Выготский находился в постоянном поиске. Он был, если использовать применительно к нему его собственное выражение по адресу Курта Коффки, «до конца последовательным методологом».

Приведем выдержки из высказываний классика психологии, имеющие отношение к предмету психологической науки, и поразимся, насколько своевременно и злободневно они звучат. Сказать, что они представляют существенный интерес, – ничего не сказать.

Первый фрагмент касается того, как Выготский подходит к предмету психологии. С нашей точки зрения, его методологические рассуждения достойны скрупулезного и внимательного анализа. В другом месте такой анализ будет проделан, здесь приведем эти высказывания без комментариев. «Полагают, что предмет психологии должен быть определен до самой психологии, в начале ее, а не в конце. Но это неверно. Полагая так, думают, что предметом науки являются эмпирические объекты, названия которых определяют ее предмет (растения, животные, вода etc.). Это не так. Предмет науки в известном смысле создается самой наукой – из ее основной абстракции (см. «Смысл психологического кризиса»), – например, предмет физики, химии, мир в астрономии. Если бы сущность вещей совпадала с их проявлениями, наука была бы излишня: это относится всецело и к предмету: если бы он лежал в мире проявлений (= эмпирический объект). Поэтому не эмпирический объект определяет имя науки, а имя науки – предмет: физические, физиологические явления, психология Раскольникова. Предмет науки есть часть действитель-

ности, представленная в *понятии*, а это стоит в конце. *Поэтому определение стоит давать не в начале, а в конце курса*: тогда оно будет содержательным. Первое определение дает *точку зрения*, оно должно быть взято на веру: поверьте мне, что существует нечто живое, психологическое etc. Сейчас мы увидим, каково оно. *От этого первого определения через весь курс* (каждое новое знание обозначает определение предмета) – к *конечному полному определению*, которое должно заканчивать психологию» [2, с. 144–145]. «Мы определяем предмет в меру того, как наука познала его. Физика яснее определяет, чем психология, не потому что она более ясная, а потому что более развитая наука. Определение (первое) – уравнение, в котором сказуемое есть X, раскрываемое с приближениями на всем протяжении курса. Психология = наука о психической жизни. Но что такое психическая жизнь? Ответом на это и явится вся психология в целом» [2, с. 145].

«Можно было бы определить психологию как науку о психологической жизни (такое выражение есть у Bergson'a), но это было бы тавтологическим определением. Тавтологические определения → самые точные (тождества), но самые неплодотворные. Можно было бы сказать, что [Запись продолжается карандашом] психология есть наука о психологических процессах или психология есть наука о психологии, потому что язык мудро называет объект психологии (психику) психологией. Это верно. Это – лучшее из возможных определений» [2, с. 427]. Выготский продолжает: «Но оно бесплодно, так как ни на шаг не приближает нас к решению вопроса. Поэтому лучше не такое точное определение, не полностью раскрывающее предмет, не математически идентичное левой части уравнения, а только отчасти вскрывающее его, хоть с одной стороны, дающее дробь, приближенное решение, но по существу. Поэтому на первых шагах важно во что бы то ни стало избежать тавтологии, пробиться сквозь нее, но не для того, чтоб отвергнуть ее, а для того, чтобы вернуться к ней. Ибо пользоваться мы будем левой частью уравнения (то есть психологическим), а не правой, не раскрытием. Таким образом, надо на одну минуту отойти от тавтологии, чтоб вернуться к ней. Задача определения очень скромна: оно должно в начале курса и научного исследования *сделать возможным* аккумуляцию содержания тавтологии. В сущности, каждая глава психологии дает нечто к определению (насыщению содержания

ем) понятия “психологическое”. Иными словами, определение должно дать общее направление, тенденцию, точку зрения – что во всем том, что будет изучаться (= исследоваться), делает это психологическим фактом. Первое определение, таким образом, не должно быть исчерпывающим, а скорее указанием. В конце курса оно должно сделать содержательным тавтологическое определение» [2, с. 427].

«...Надо определить, раскрыть – что такое *психологическое*, ergo надо избежать в определении психологии этого термина. Сказать, что психология есть наука о психологической жизни и *значит* по смыслу, по существу раскрыть, что такое психологическое. Психическая жизнь и есть психологическое. С этой точки зрения (жизни) изучают психические процессы психологические науки – в отличие от логики и права. Это лучше, чем определить психологическое как психофизиологическое. Явление душевной жизни и психологический факт – синонимы» [2, с. 428].

Перечитаем... и не будем давать никаких комментариев. Представляется, что гений почти 90 лет тому назад описал, что нам сегодня или завтра предстоит делать.

Как написал когда-то великий поэт, «...и не одно сокровище, быть может, // Минувя внуков, к правнукам уйдет...». Так получилось. Будем благодарны, что послание до нас дошло...

Опубликование этого тома – большой праздник для всех, кого интересует судьба научной психологии. Неуместно говорить в этом тексте о каких-то недоработках или неточностях в издании.

Эти краткие заметки начались с упоминания о том, что мы долго ждали этой книги. Мы будем ждать дальше, поскольку это лишь избранное – первая часть архивных данных. Появление других неизвестных текстов Л. С. Выготского впереди. Низкий поклон составителям и редакторам за их подвижнический труд и удачи в работе над оставшимися текстами гения. Терпеливо ждем.

Библиографический список

1. Верч, Дж. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию [Текст] / Дж. Верч. – М. : Тривола, 1996. – 176 с.
2. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное [Текст] / под ред. Е. Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. – М. : Канон+, 2017. – 608 с.
3. Мазиллов, В. А. Слово о Льве Семеновиче Выготском [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник: Научно-методический журнал. – 1996. – № 3(6). – С. 132–134.

4. Мазиллов, В. А. Л. С. Выготский и методология психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 170–176.

Bibliograficheskij spisok

1. Verch, Dzh. Golosa razuma: Sociokul'turnyj podhod k oposredovannomu dejstvuju [Текст] / Dzh. Verch. – М. : Trivola, 1996. – 176 s.

2. Zapisnye knizhki L. S. Vygotskogo. Izbrannoe [Текст] / pod red. E. Ju. Zavershnevoj i R. van der Veera. – М. : Kanon +, 2017. – 608 s.

3. Mazilov, V. A. Slovo o L've Semenoviche Vygotskom [Текст] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik: Nauchno-metodicheskij zhurnal. – 1996. – № 3(6). – С. 132–134.

4. Mazilov, V. A. L. S. Vygotskij i metodologija psihologii [Текст] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 5. – С. 170–176.

Reference List

1. Verch J. Reason voices: Sociocultural approach to the mediated action. – М. : Trivola, 1996. – 176 p.

2. Notebooks of L. S. Vygotsky. The favourites/under the editorship of E. Yu. Zavershneva and R. van der Veer. – М. : Kanon +, 2017. – 608 p.

3. Mazilov V. A. Word about Lev Semionovich Vygotskom // Jaroslavl pedagogical bulletin: Scientific and methodical magazine. – 1996. – № 3(6). – P. 132–134.

4. Mazilov V. A. L. S. Vygotsky and methodology of psychology // Jaroslavl pedagogical bulletin. – 2016. – № 5. – P. 170–176.